

«ЗА ТАКОЕ КИНО НАДО УБИВАТЬ...»

Александр Гутман. Выпускник ВГИКа, оператор, режиссер-документалист, продюсер. Участвовал в создании таких известных лент, как «Снежная фантазия», «Пирамида», «Русские ушли», премированных на самых престижных международных кинофестивалях. Последняя его горькая лента «Три дня и больше никогда» триумфально прошла по экранам мира. И вот по условиям новый фильм.

«За такое кино надо убивать», — сказала неизвестная мне зрительница, первой покидая зал после просмотра в Нью-Йорке. Смелая женщина — она произнесла вслух то, что думала половина зала.

«Путешествие в юность» называется новый фильм Александра Гутмана. За обманчиво-невинным названием — страшная история, к восприятию которой с экрана мало кто готов сегодня. Но завтра снимать ее будет не с кем и показать заинтересованному зрителю уже не удастся: живых не останется. Потому что в кадре речь о событиях 1944 года. Доблестная Красная Армия с боями пересекла рубежи фашистской Германии, вошла в Восточную Пруссию и в числе прочих «актов возмездия» изнасиловала массу немецких женщин всех возрастов — от мала до велика.

Далее — по условиям Ялтинской конференции — женщин загнали в вагоны и эшелоны и погнали на территорию СССР — «для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства, разрушенного в годы войны».

Тех, кого довели живыми, расселили в старых и вновь построенных сталинских лагерях, где снова насиловали и терзали. Выжившие четыре немецкие женщины пятьдесят лет спустя говорят об этом с экрана. На немецком. Таких фильмов — на всех языках Европы — можно снять сериал: по всем странам, которые освободили советские доблестные войска. Польки, венгерки, румынки, чешки, словачки, болгарки слово в слово могут повторить все то же самое. Без детали вывоза в лагеря СССР. Этот фильм — первый.

Александр Гутман пишет в титрах имена своих героинь на белом снегу Карелии, ибо о Карельском лагере речь. Имена замечает поземка. Этот кадр — и правда жизни, и художественный образ: никто не спрашивал их имен, когда насиловали, угоняли, голыми бросали в ямы братских могил на болоте. Только в титрах они и останутся. В первую очередь главная рассказчица — фрау Кауфман, которая взяла на себя непомерный труд вернуться в Россию вместе со съемочной группой. Снова проехать через Ленинград, где в 1944-ом была первая остановка их эшелона и «выгрузили трупы». Снова пройти знакомой дорогой — через жидкий лес, где работали на лесоповале, — к тому месту, где осталась навеки лежать ее младшая сестра, которую закопали живой...

Если случится фильму выйти на экран, вы увидите, как она протаскала по просеке простой зеленый веночек из лап ели, положила его на мемориальную могилу, созданную в российском лесу на деньги немецкого писателя Генриха Белля, который сам солдатом прошел в обозе войну... Услышите ее рассказ, как тяжело было тащить телеги с трупами через лес. Как убежденно она говорит, что война не нужна никому. Что начинают войны мужчины, а страдают женщины и дети. «Вы заплатили жизнью, мы — телом и душой. Мир вашему праху, мир вашим душам...» — слышно сквозь слезы.

Расскажет она и о том, как молилась в храме обо ВСЕХ невинных жертвах войны и чувствовала, что «с нами Бог»... В этом месте даже у меня — послевоенного ребенка —

в памяти всплывает бляха немецкой униформы, на которой многие запомнили надпись «С нами Бог». Трудно.

Вечная тема вины и невинности — непаханая целина морали — встает на дыбы внутри и гонит судить. Всех и немедленно. Уточню сразу: фрау Кауфман было пять лет, когда Гитлер пришел к власти, и десять, когда началась война. Родители ее были фермерами, верующими людьми. Гитлер не внушал им симпатий, и отец был в ужасе, когда ее брат добровольцем ушел в армию. Он погиб где-то между Смоленском и Оршей... Мама плакала, а отец не вывесил флаг в день рождения Гитлера. Его пришли арестовать, но не тронули, увидев похоронку...

«Нас не убивали в газовых камерах, — говорит фрау Кауфман. — Но шансов умереть у нас было больше, чем выжить. И дневник Анны Франк известен миру, а мы носим свои дневники в себе»... Тут снова трудно: выдержать сравнение еврейской и немецкой девочки, но... Та и другая попадают в категорию «дети». Фрау Кауфман настаивает, что дети — невиновны. И страдание не имеет национальности. Возразить на это нечего.

Александр Гутман на премьере в Нью-Йорке в кругу профессионалов и друзей процитировал американского поэта Роберта Фроста, формулируя свое отношение к материалу: « Мы приходим в храм просить у Бога прощения, но прежде мы должны сами простить других». Он пытается разомкнуть круг ненависти. Он не первый. До него советские писатели-гуманисты отмечали, что во Второй мировой встретились два близнеца, и один победил другого. Две армии соревновались в надругательствах над противником. И если в послевоенной Германии у нового поколения формировали национальный комплекс вины, то послевоенный СССР создавал культ героя, воина-освободителя, замалчивая его недостойные поступки. Хотя многие знали — и в первую очередь сами воины, — что наряду с Неизвестным Солдатом-героем был Неизвестный Солдат-мародер. И зачастую это был один и тот же человек.

Тем, кто хотел покаяться, власти затыкали рот. Так стал диссидентом Лев Копелев. Так Андрею Сахарову Михаил Горбачев выключил микрофон... О советском солдате можно было только как о покойнике: хорошо или ничего. Но минуло полвека. И новое поколение робко делает попытку помянуть жертв обеих сторон. И грех обеих сторон. Он может, но не должен быть замолчан. И если было преступление, то был тот, кто его совершил. Виновен ли солдат, что война пробуждает в человеке зверя, — мне трудно ответить. Но я точно знаю, что всякий преступный режим, преступный приказ, само преступление должны быть осуждены, какими бы высокими целями не прикрывались главы государств и правительств. Потому что если есть преступление — есть преступник. Он должен быть найден и наказан. Дело не в миллионах убитых. Надругательство над одним человеком достойно наказания ничуть не меньше. И всякий преступник должен знать, что нет тайного, которое не стало бы явным. Справедливость всегда восторжествует. Не всегда успеваешь дожить до этого. И возмездие не в том, чтобы убить убийцу, а в том, чтобы поднести к его лицу зеркало, чтобы он себя увидел. Именно это пытается сделать Александр Гутман.

Его усилия получили признание. В Америке в городе Хьюстон штата Техас на днях завершился 34-ый Международный кинофестиваль документального кино, где картина «Путешествие в юность» получила главный приз — Платиновую награду.

— Каких еще наград удостоен фильм? — спросила я Александра.

— Мне легче ответить, какими фестивалями фильм был отвергнут. Это два десятка европейских и американских МКФ. Я сам выставлял фильм, т.к. я автор фильма, постановщик, сооператор, продюсер и владелец. И все права на фильм у меня. Он был только на фестивале ФИПА во Франции, но понимания не нашел. Сейчас выдвинут на Золотую Камеру в Чикаго. Фестиваль состоится в июне.

— Скажите, что движет евреем, когда он снимает фильм о страданиях немцев?

— Мой папа, которого я боготворю, Илья Семенович Гутман — фронтовой оператор, прошел всю войну, до Вены. Сделал с Карменом знаменитую серию из двадцати фильмов «Неизвестная война» для Америки. Из всей команды — двенадцать режиссеров — один смонтировал все свои кадры. Он за полгода до смерти, когда я начал снимать, говорил:

«Саша, я тебя умоляю, не берись, не делай этого. Немцы уничтожили шесть миллионов евреев. Ты еврей и не должен трогать эту тему. Ты не имеешь права».

— Он сказал, почему?

— Да: «Нельзя их жалеть после этого». И я сказал: «Папа, мы другое поколение. Нельзя всю жизнь быть в злобе, надо учиться прощать». «Ты не был на войне, ты не понимаешь, а я не могу тебе этого объяснить», — сказал папа.

— А папа знал, что советские воины насильовали девочек?

— Думаю, что папа знал гораздо больше. Мне не хочется думать, что папа сам в этом участвовал. Но я ничего об этом не знаю. Я не хочу ни в чем его обвинять. И никого вообще. Мой отец для меня — свет в окошке. Но он не хотел обсуждать это со мной. А я не стал его в лоб спрашивать.

— Как возник замысел?

— Мой приятель, корреспондент, прислал мне из Карелии, из Петрозаводска, заметку, что Фонд Генриха Белля дал деньги на открытие мемориального кладбища концлагеря немецких женщин № 517, где была 1001 немецкая женщина. Из них 522 погибли в первые шесть месяцев существования лагеря. И одна из выживших приехала на могилы своих товарок. Я подумал, что это интересная история. Эта женщина в интервью сказала, что попала в лагерь, когда ей было шестнадцать лет. Не зная ничего, я подумал, что в шестнадцать лет сажать девочку в советский лагерь было не за что. Неважно, немка она, японка, еврейка или русская. Дети — невиновны. Шел 97-й год. Я взял камеру, разыскал эту женщину в городе Золинген, нашел переводчицу и снял первое интервью. Эта женщина — фрау Кауфман — рассказала мне всю свою жизнь. С момента вхождения советских войск в Восточную Пруссию. Как над ними издевались, как их насильовали. Потом я поднимал архивы, общался с историками и выяснил, что на Ялтинской конференции были приняты документы, в которых американцы в качестве репараций получили десять миллионов немецких марок с замороженных авуаров в Американских банках, англичане — еще что-то, французы — еще что-то, а Россия получала право использовать немецкую рабочую силу «для восстановления народного хозяйства, разрушенного войной». Это значит, что Россия могла использовать: «а) военнопленных и б) гражданское население немецкой национальности на занятых территориях, замеченное в связях с нацистами». Женщин от восемнадцати до тридцати-тридцати пяти лет и мужчин от семнадцати до сорока лет. Такие были поставлены нормы в этом международном договоре.

— И подписи «тройки»?

— Да, Черчилль, Рузвельт, Сталин.

— Как хорошо сказала одна из моих героинь: «Мы все, как вы — в пионерах и комсомоле, были в наших молодежных организациях. Так мы автоматически стали замеченными в связях с нацистами». Потому наши плевали на все и брали детей тринадцати-пятнадцати лет. Издевались над ними, насильовали всех, кого ни попадя. Строем.

— Где это можно было делать?

— Хватали девочек, затаскивали в комендатуру и там пропускали через них всех, кто хотел. И не по разу. Потом вызывали на допросы и говорили: «Вы отравили колодцы, чтобы погибла советская армия». Били, заставляли подписывать все, что написано кириллицей. Они ничего не понимали и все подписывали. Она это рассказывает в фильме... После этого их выстраивали — и строим в вагоны и в советские концлагеря. Только из Пруссии было интернировано около 180 тысяч женщин и детей, маленьких и больших.

— Кто вел бухгалтерию, немцы или русские?

— Русские. Я видел эти документы, держал их в руках. Они находятся в госархиве, в карельском архиве. Там есть похоронные книги. Кто где похоронен. По фамилиям, сколько кому лет.

— Когда начинается их жизнь в Карелии?

— Март-апрель 45-го. Мы же Восточную Пруссию взяли раньше.

— Когда вы с папой обсудили замысел?

— Сразу, когда снял эту даму — Фрау Кауфман. Она в этом лагере похоронила свою сестру. Другая моя героиня — Фрау Зоммер — говорит, что она после этого вышла замуж и муж все говорил: «Забудь об этом». Ей пришлось разойтись, потому что забыть этого нельзя, как она сказала. Я все это рассказал папе.

— Мне, как зрителю, не вполне ясна ваша авторская позиция. Вы считаете, что акт насилия был делом добровольным или был приказ насилловать немок?

— Приказа такого не было. Не может быть такого приказа...

Александр Гутман не знает, что приказ такой был. По другой армии. Император Японии Хирохито приказал насилловать и убивать китайских женщин. И самураи выполнили приказ. Груды мертвых женских тел были сняты на пленку скрытой камерой членом американской дипломатической миссии в Китае. И никогда он об этой истории не обмолвился. Полвека спустя дети американца нашли в подвале дома умершего отца пленку. А американский режиссер-документалист Кристин Чой сняла фильм «Именем императора», который лет пять назад был показан на правозащитном кинофестивале в Нью-Йорке. Фильм не нашел дистрибьютера и не вышел в прокат. Правительство Японии выразило протест американской стороне по поводу показа. Отрицался сам факт того, что такое было. Но в кадре сидели старые солдаты, которые выбрали перед смертью покаяться перед Богом и перед камерой.

— Я разговаривал с заместителем коменданта Берлина по отправке в лагерь. Это профессор Семерягин. Он жив и читает лекции в Историко-архивном институте. У меня есть его книжка «Как мы управляли Германией». Он ни слова не говорит о подобных приказах.

— Тогда насилие становится делом добровольным?

— Думаю, что да. Это был некий акт возмездия. Стихийный.

— Как они узнали, что это можно делать? Что это не будет наказано?

— Они — победители! Они делали все подряд. И никто их за это не наказывал. Потом, уже в Берлине, была пара, как Семерягин рассказывал, показательных процессов, когда наказали. За насилие и мародерство. Но пока мы не победили, никто на это не обращал внимания. А вот когда насилovali в лагерях, за это был наказан даже один замначальника лагеря. Но скорее он был наказан за то, что воровал еду у заключенных. А то, что он насилдовал, это было побочным. Если бы не воровал, его никто не наказал бы и за то, что он насилдовал.

— Как вы считаете, все солдаты этим занимались?

— Я ничего не могу считать. Я там не был.

— Но после того, как вы поговорили с этими женщинами, и сняли свой фильм...

— ...БОЛЬШИНСТВО. По крайней мере, многие. Как следует из рассказа моих героинь.

— Если этот фильм сегодня показать советским воинам-освободителям, я уверена, они скажут, что это — ложь. И немки клеветают. У вас есть ответ такому потенциальному зрителю и читателю?

— Я — не суд. Я не буду заниматься доказательствами.

— Но вы дали слово человеку, который все это говорит...

— ...И все это пережил!

— И вы ему верите. А воин говорит: "Ложь!"

— Но были экспертизы. И это было доказано.

— Кем?

— Приезжали представители Международного Красного Креста в сталинские лагеря. Были жалобы в МКК. От заключенных. И международное сообщество обратилось к Сталину, информировало его о том, что поступают жалобы на советских солдат, которые убивают и насилуют.

— Откуда у вас эта информация?

— Из Фонда немцев-узников сталинских лагерей в Германии. И Сталин ответил: «Не надо пытаться представить забавы советских солдат как насилие и издевательство над немецким народом».

- Где еще были эти лагеря?
- На Урале, на Беломорско-Балтийском канале, в Карелии. Туда привозили немок...
- До какого года их держали?
- Последние пленные покидали СССР в 49-м году, насколько мне известно. Одна из моих героинь называет эту дату. Документов у меня не было.
- Вам по жизни доводилось встречаться с советским солдатом, который бы сам говорил, что он насилует немок?
- Конечно. Был у нас такой дядя Вася в соседнем парадном. Посылал нас, пацанов, за «маленькой». Выпивал и начинал рассказывать, как воевал: «Вошли мы в Венгрию и всех перетрахали. Вошли в Польшу... в Пруссию...»
- А в Польше насильовали немок или полек?
- Всех! И детей, и старух. Национальность никого не интересовала. Они сначала насильовали, а потом узнавали, на каком языке она говорит.
- Тогда это не акт возмездия. Так можно было изнасиловать и собственного ребенка, не опознав. Какова сверхзадача фильма на материале изнасилованных женщин?
- Нет никакой сверхзадачи. Я хотел рассказать конкретную частную историю четырех несчастных женщин, которые прожили этот кошмарный период своей жизни в сталинских лагерях. Я полагал, что история сама выведет на обобщение. Я пытался ее поднять до обобщения.
- Ваша формула обобщения?
- Как ужасна война. И в войне больше всех страдают женщины, дети и старики. Они менее всего причастны и страдают больше всех. Потому что солдаты идут на войну сознательно. Или не идут. И второе: страдание не имеет национальности. Это принципиально важно для меня. Немецкая, польская, французская, русская или еврейская девочка говорит это — неважно. Почему дети должны страдать? Почему должны страдать женщины и старики?
- Кого вы делаете виноватым в этой истории?
- Я хотел сделать виноватыми Гитлера, Сталина, Черчилля, Рузвельта. Но тогда это было бы кино про политику. Я не хочу снимать такое кино.
- А кто же развязывает войны?
- Пусть люди думают... Сегодня то же самое происходит в Чечне. Буданов насильовал на правах победителя. Сегодня он сильный. Сегодня он поставил раком эту чеченскую деревню. Вот он сегодня и имеет право — так считает Буданов и его солдаты. Да не имеет он права! Потому что в этот момент он становится в один ряд с ублюдками, которые прячутся в горах, грабят, убивают, берут заложников.
- Вы хотите, чтобы соблюдались правила ведения войны, чтобы воевали солдаты с солдатами, армия с армией?
- Я не хочу, чтобы воевали вообще! Я против решения любых спорных вопросов с помощью силы. Я, извините, пацифист и идеалист. Сам не служил и сына спас от этой поганой армии.
- Но из мужчин делает солдат правительство. И закон о всеобщей воинской обязанности.
- Правительство призывает в армию, но солдат оно не делает. В последнее время наше государство все больше делает не солдат, а противников службы в армии.
- Вы считаете, что дети не должны отвечать за родителей?
- Никогда и ни в чем. Вот родители за детей отвечают. Мою героиню девочкой посадили в концлагерь ни за что. Даже если бы ее не насильовали — ее заставили стать рабом! Жизнь каждого человека самоценна! Нельзя сравнивать, сколько тысяч будут страдать за гибель скольких миллионов. Страдания одного человека — трагедия. Эти немки страдали ни за что.
- Как же «ни за что», когда за причастность к нацистам?
- Нет, их брали и отправляли в лагеря только за то, что они немки. Так же убивали евреев за то, что они евреи. Так же убивают чеченцев за то, что они чеченцы. Нельзя наказывать человека за то, что он такой, а не другой национальности.

Тут мы надолго отвлеклись, перейдя к рассуждениям на тему « Почему немецкая нация должна отвечать за преступления Гитлера, а русская нация не должна отвечать за преступления коммунизма». Вспомнили, что у немцев был Нюрнбергский процесс, а у русских — нет. И процесс шел не над немецким народом, а над нацизмом. И вели процесс не нацисты, а совсем другие люди...

— Снимая фильм, вы знали, что выходите на минное поле. Как вам сегодня живется на нем?

— Тяжко. Я вложил все свои накопления в этот фильм. Сегодня мне трудно жить. Не только материально. Я приобрел массу врагов. Моя родная сестра не может мне простить, что я пошел наперекор папиной воле. Так дочери фрау Кауфман не общаются с ней. Считают, что мама пострадала заслуженно, что она ответственна за преступления нацизма. Они уехали в Израиль, выучили хибру. Одна из них работает в Моссаде. Они уверены, что нельзя жалеть этих немецких женщин. И мать в том числе. Так растет новое поколение фашистов, которое знает, что жалеть нельзя. Нельзя сопереживать даже маме. А мне безумно жалко этих женщин, которых я снимал. Может, я сумасшедший. Я в прошлой ленте не смог увидеть первые кадры, когда мать встречает приговоренного к смерти сына. Оператор снимал, а я выскочил из комнаты: я все равно от слез не видел монитора.

Напомню, что речь идет о полнометражном документальном фильме «Три дня и больше никогда». Он снят в тюрьме. Это последнее свидание матери с приговоренным к смертной казни сыном. Молодой человек, призванный на службу в армию, был изнасилован. При первой же возможности он развернул табельное оружие на своих командиров и убил... Мать плачет, укоряет и все допытывается, прощаясь навеки: «Как же ты мог, сынок?» Он плачет тоже — худой очкарик — и никак не может ей объяснить, что мог...

Фильм увидел мир. Но что гораздо важнее — его увидел Президент России Б.Н.Ельцин. И услышал ходатайство Комиссии по помилованию... Высшую меру заменили заключением. Лет через шесть-семь парень выйдет на свободу.

— Когда вы делали «Три дня...», вы знали, что спасете ребенку жизнь?

— Конечно, не знал. Я был самым счастливым человеком на свете. После этого я считаю, что прожил жизнь не зря. Мне эту новость сказал у гроба отца Володя Двинский, член Комиссии по помилованию.

— Экранная драма молодого человека, почерпнутая вами из жизни, вернулась в жизнь, самой жизнью. Что вернется в жизнь из новой ленты?

— Я хотел бы, чтобы эта картина прошла в Германии. Это важнее, чем в России. Неонацизм поднимает голову. Говорят, что никаких нацистских лагерей не было... А я хочу, чтобы каждый из них задумался. Чтобы они посмотрели на своих матерей и на своих дочерей, сестер, на своих женщин. Вы-то сегодня — герои, — сказал бы я неонацистам, — а завтра всех ваших женщин снова трахнут строем победители...

В голосе Гутмана впервые прозвучали нотки угрозы.

— А я бы хотела, чтобы две девочки фрау Кауфман посмотрели кино, вернулись к матери и пожалели ее. Кстати, что сказала ваша мама, посмотрев фильм?

— Она промолчала.

А моя бы, наверное, плакала вместе со мной весь фильм. Я помню, как она рассказывала мне, как, после гестапо и концлагерей, шла весной по разрушенной Германии босая и отдала где-то найденные сапоги первой попавшейся немке. «Немцы очень бедствовали...», — сказала мне она.

«А ты?! А ты?!» — хотелось крикнуть мне, но слова застряли в горле, потому что в маминых глазах стояли слезы... Слёзы сострадания к врагу.

Для меня — увы! — это как было, так и остается непостижимым.